

Он ушёл — значит, брат должен был встать на его место.

Если бы брата не стало — нашёлся бы двоюродный брат.

А теперь, когда все мужчины исчезли, осталась лишь маленькая сестрёнка... Что она вообще может сделать?

Та семья отлично всё рассчитала — не зря ведь они годами ездили с торговыми караванами по всей Поднебесной, покупая и продавая товары. Их счёты щёлкали, как бусины на счётах — чётко, быстро и безошибочно.

Они даже составили новую родословную, полностью отреклись от него и официально разорвали с ним все родственные узы.

Старшина шёл сквозь вьюгу и метель, а в голове крутились мысли об устройстве армии в нынешней династии.

Эта династия унаследовала военную систему предыдущей — Минской, но внесла в неё существенные изменения.

Минская династия основывалась на системе военных поселений (тунтянь), где солдаты одновременно служили и занимались земледелием. По всей стране создавались гарнизоны — «вэй» и «суо», контролировавшие стратегически важные пункты.

Армия делилась на столичные и местные войска.

В столице существовали Пять военных управлений (уцзюнь ду-ду фу), ведавшие реестрами всех гарнизонов, а Министерство военных дел (бинбу) отвечало за походы, оборону и обучение войск.

Во время войны назначался главнокомандующий (цзунбинь гуань), а по окончании кампании солдаты возвращались в свои гарнизоны, а печать командира сдавалась обратно в столицу. Так была реализована система разделения полномочий: управление армией, её мобилизация и командование находились в руках разных лиц. «Солдаты не принадлежат генералу, генерал не владеет армией» — таков был принцип.

Нынешняя же династия добавила к этому ещё и систему наёмной армии. В чрезвычайных ситуациях можно было набирать солдат прямо на месте, чтобы пополнить ряды. Именно так и призвали Ван Цзюэ. Иначе как простой крестьянин, да ещё и старший сын в семье, он бы никогда не попал в армию: по местным обычаям, старших сыновей и единственных детей никогда не брали в солдаты. Старший сын должен был унаследовать хозяйство, а единственный ребёнок — заботиться о родителях до их конца.

Также не брали людей с увечьями или заразными болезнями.

Однако воинские звания в этой династии отличались от минских.

Десять человек составляли «хуо» (отделение), во главе стоял «хуочжан» (старшина отделения).

Сто человек — «ши» (взвод), командир — «шичжан» (взводный).

Сто человек также назывались «бай» (сотня), командир — «байху» (сотник), его заместитель — «ши байху» (исполняющий обязанности сотника). На этом уровне уже начинались официальные воинские чины: шестой и пятый младшие ранги.

Тысяча человек — «цянху» (тысячник), должности «исполняющего обязанности тысячника» не существовало. Тысячник — чин пятого старшего ранга.

При каждой тысяче обязательно назначался конторщик (чжанфан сяншэн) для ведения учёта — тоже пятого младшего ранга, а также «сыма» (начальник тыла), отвечавший за снабжение, — также пятого младшего ранга.

Десять тысяч человек составляли уже «цзюнь» (армию).

Её возглавлял «цзянцзюнь» (генерал). Если у него не было специального титула, его называли «фуцзян» (заместитель генерала) — четвёртый младший ранг. С этого уровня военнослужащих уже не называли просто «воинскими чинами» (у гуань), а именовали «военачальниками» (у цзян).

Если же генерал имел императорский титул — он становился настоящим главой, военачальником четвёртого старшего ранга, способным командовать целым регионом.

Кроме того, в каждой армии обязательно назначались:

— один «цзинли» (чиновник по делопроизводству) — пятый младший ранг,

— один «чжисы» (помощник по административным вопросам) — седьмой младший ранг,

— один «лиму» (канцелярский служащий) — восьмой старший ранг,

— один «цан дашы» (начальник склада) и один «фуши» (его заместитель) — девятый младший ранг.

Все они исполняли свои обязанности и подчинялись строгой иерархии.

Армия в тридцать тысяч человек уже считалась «большой армией» (дацзюнь). Ею командовал «дацзянцзюнь» (великий генерал) — третий младший ранг, с пятью заместителями (пэйцзян) четвёртого старшего ранга и всеми положенными чиновниками. Такой военачальник обладал правом единоличного решения в полевых условиях.

Если же в поход выступало более ста тысяч солдат — это уже была крупномасштабная война. Тогда во главе ставился «шцаи» (верховный полководец). Среди десяти великих генералов едва ли найдётся один, кому доверят такое звание.

Сейчас в Поднебесной было всего два великодушных полководца — «дашцаи».

Один из них — сам император, бывший Верховный главнокомандующий всех войск.

Второй — господин Бай, Бай Нянь, более известный как Бай Саньсы или просто Старый Полководец.

Императору уже исполнилось пятьдесят шесть лет, а Старому Полководцу Бай — целых восемьдесят шесть. В молодости он был наставником императора по боевым искусствам.

После установления мира старый полководец удалился в роскошную резиденцию «Уаньгун фу» в столице, где и проводил дни в покое и уюте. Говорили, будто он — потомок легендарного военачальника Бай Ци, хотя правда ли это — никто не знал.

Погружённый в эти мысли, старшина незаметно добрался до Ляньхуаао. Он не стал заходить с главной дороги, а свернул на узкую заснеженную тропинку, ведущую прямо к дому. Их дом стоял на самом краю деревни — последний в ряду, найти его было нетрудно.

Пришли они не слишком рано — уже ближе к полудню, и метель немного утихла.

Но едва взглянув на дом, старшина остолбенел:

— Это что за...?!

Его спутники тоже растерялись:

— Старшина, это... твой дом?

— Если бы у меня был такой дом, я бы в армию не пошёл! — процедил он сквозь зубы.

— Так... это... кто же...? — запнулись и они.

Оба были из бедных семей и никогда в жизни не видели такого большого и нарядного дома.

А у ворот ещё и люди снег убирали!

Старшина быстро отвёл товарищей в сторону, чтобы их не заметили, и направился к тому месту, где, по его памяти, должен был стоять их дом.

Но вместо знакомого строения он увидел высокую стену с маленькой калиткой. За ней на расчищенной от снега площадке играла маленькая девочка, а рядом с ней стоял юноша.

— Двадцать один, двадцать два... — считал юноша, пока девочка ловко подбрасывала воланчик ногой.

— Ай! — вдруг воскликнула она, и воланчик упал на землю.

— Зато ты уже тридцать шесть раз подряд смогла! — улыбнулся юноша. — Очень хорошо, госпожа!

— Ты меня обманываешь! — надулась девочка. — В прошлый раз я видела, как ты сам триста раз подряд играл! Ты такой ловкий!

Юноша рассмеялся:

— Но я же гораздо старше тебя, у меня тело гибкое, движения точные... Эй?! — вдруг насторожился он, заметив троих мужчин, прятавшихся за деревьями и углом стены.

Зимой, в толстых шубах и кожаных накидках, они выглядели подозрительно — даже, пожалуй, угрожающе. Совсем не похожи на добрых людей.

— Кто вы такие? — старшина понял, что прятаться бесполезно, и вышел вперёд, сверля юношу злобным взглядом.

— А вы?! — испугался юноша и попытался броситься вперёд, чтобы забрать девочку, но та уже стояла между ним и незнакомцами.

— «Усадьба Ван»? — зарычал старшина. — Какой ещё Ван?!

Юноша, увидев их злые лица, уже собрался закричать, но девочка вдруг замерла и пристально уставилась на старшину.

Лян Эр, привыкший в армии к хамству и грубости, с вызовом ухмыльнулся и стал пугать:

— Говори, чья это усадьба? Не скажешь — начнём силой! Это же ваша маленькая госпожа, верно?

В этот момент старшина рванулся вперёд — прямо к девочке.

Чэнь Сюй, увидев, что незнакомцы собираются похитить хозяйку, в ужасе завизжал и бросился к воротам:

— Помогите! Крадут ребёнка! Отпустите госпожу!

Но Лян Эр мгновенно схватил его и крепко стиснул, не давая вырваться, а Чжан Сань тут же зажал ему рот ладонью.

Бедный Чэнь Сюй задёргался, но вырваться не мог, только мычал сквозь слёзы отчаяния.

А старшина тем временем опустился на корточки перед девочкой.

— Ты... мой старший брат?! Старший брат! Ван Цзюнь, старший брат! — воскликнула малышка.

На ней была розовая атласная курточка с белым меховым воротником, на голове — маленькая шапочка с цветочками, вся она была укутана, как пушистый медвежонок: круглая, мягкая, такая, что упадёт — и покатится.

Но выражение её лица было совершенно серьёзным, когда она смотрела на Ван Цзюня.

От такого взгляда у него сердце сжалось — захотелось немедленно подхватить её на руки.

Ван Цзюнь тоже не сводил с неё глаз:

— Ты... моя сестрёнка? Ван Мэй?

Когда он уходил, она была совсем крошечной — худенькой, бледной, с тусклыми, ломкими волосами. Он тогда думал лишь об одном: «Главное — выжить. Подрастёт — окрепнёт».

Неужели вот как она выглядит, когда её нормально кормят и заботятся?

Теперь она была пухленькой, румяной, одета в тёплую, качественную одежду, и вся её внешность напоминала дочку богатого землевладельца — не только ухоженная, но и нарядная.

— Старший брат! — девочка бросилась к нему и обвила ручонками его шею. — Ты наконец

вернулся!

— Да, брат вернулся, — Ван Цзюнь поспешно опустился на колени и поднял её на руки.

Мягкая, упругая ткань её одежды говорила о том, насколько она тёплая. На ножках — изящные сапожки из белой овчины с вышивкой.

От неё слабо пахло ароматом — на щёчках был намазан защитный жирок от мороза.

Он заметил, что в ушах у неё — не чайные палочки, как в детстве (их вставляли, чтобы дырочки не заросли), а серебряные серёжки в виде миндальных цветов — изящные, зимние, очень к лицу.

На шее — серебряный обруч с подвеской в виде «замка долголетия», на котором чеканными иероглифами было выгравировано: «Фанлинъюнцзи» («Пусть твоя юность длится вечно»).

...Хотя Ван Цзюнь этих иероглифов не знал — просто понял, что их четыре.

На запястьях — детские браслеты с маленькими серебряными колокольчиками, которые тихо звенели, когда он её обнимал.

А в руках у неё был воланчик... с настоящими медными монетами!

Их семья никогда не была настолько богата, чтобы использовать деньги как игрушки!

— Сестрёнка, чей это дом? — Ван Цзюнь крепко прижал её к себе. — Неужели дом второго дяди?

Это была единственная мысль, пришедшая ему в голову. Двоюродный брат второго дяди — заядлый игрок, и разорение их семьи было лишь вопросом времени. А ведь после его ухода в доме остались только трое детей! Вторая тётушка была «хозяйственной» женщиной — вполне могла прибрать к рукам их дом, заняв чужое гнездо, как злой зяблик!

Слово «цзюй чжань цюэ чао» («зяблик занял воронье гнездо») он выучил совсем недавно и считал, что оно идеально описывает их ситуацию.

— Нет! — Ван Мэй энергично замотала головой. — Это наш дом! Наш собственный! Старший брат, больше не уходи! Гэфу вышел за нас замуж — и у нас снова есть дом!

— Гэфу? — Ван Цзюнь нахмурился. Что за чёртово прозвище?

— Гэфу — это гэфу! — девочка запрыгала у него на руках. — С тех пор как пришёл гэфу, никто не голодает, у всех есть тёплая одежда, вкусная еда, и можно учиться...

Малышка не умела много говорить, но знала одно: гэфу добр к ним. Поэтому, хоть её слова и привели старшего брата в полное замешательство, она старалась изо всех сил восхвалять своего «гэфу».

И тут из дома выбежал Вэнь Жунь.

Он как раз был в кабинете, занят подготовкой новогодних подарков.

Эта задача оказалась непростой: подарки должны быть душевными, выглядеть дорого, но при этом не стоить слишком дорого — ведь у него самого денег было немного.

Жена Чэнь Цяна молча принесла пятьдесят маленьких мешочков с кисточками — наверное, для чаевых. Работа была аккуратной, хотя и простой.

Тётушка Цуйхуа прислала тридцать вяленых уток — местный деликатес, который тоже можно включить в подарки. Ведь он же живёт в деревне, так что это вполне сойдёт за «местные продукты».

Глава деревни прислал тридцать цзинь (около 18 кг) порошка из лотоса — его тоже можно разложить по мешочкам как сувенир.

В сумме получалось довольно прилично, но Вэнь Жуню хотелось чего-то особенного — не только практичного, но и изящного.

Правда, про дорогие материалы вроде красного сандала или волосяных кисточек из волчьего хвоста можно было забыть — слишком дорого. Вэнь Жунь не собирался тратить столько.

Тогда он решил использовать то, что было под рукой. Рядом с деревней росла большая бамбуковая роща — дикая, не ухоженная, с разными сортами: цзиньганьчжу (алмазный бамбук), фоду чжу (бамбук-будда с «пузиком»), фиолетовый бамбук и другие. Всё росло вперемешку, как придётся.

Вэнь Жунь выбрал несколько стволов дикого фоду чжу.

Хотя этот бамбук обычно короткий и толстый, дикий был более вытянутым, с чёткими узлами. Он аккуратно отрезал подходящие сегменты, распилит их поперёк, а затем высушил, прокипятил и обработал до прочности, придав им лёгкий блеск патины.

Получились простые, но элегантные бамбуковые подставки для кистей.

Затем он раскалил железный прут и выжег на них рисунок.

Выбрал орхидею — ведь это самый простой сюжет!

Несколько лёгких штрихов — и уже чувствуется дух и изящество. Да и насколько это благородно!

Кроме того, он сделал по краю подставки углублённый узор, напоминающий лепестки хризантемы, — с первого взгляда создаётся впечатление, будто это цветок с тысячей лепестков. Очень поэтично!

Вэнь Жунь подумал: среди «Четырёх благородных» — слива, орхидея, бамбук и хризантема — у него уже есть три. А за окном как раз цветёт слива. Всё вместе — полный комплект!

Прекрасно! Изящно! Именно то, что нужно!

Он работал над этим всю ночь, а утром снова взялся за отделку. Только что закончил, аккуратно завернул каждую подставку в красный атлас и уложил в специально сделанные шкатулки из красного дерева. Вэнь Жунь ведь не был настоящим древним учёным — он прекрасно понимал важность упаковки.

А одну подставку он сделал особо тщательно — для инспектора образования Чжан Сяня. Каковы бы ни были мотивы того чиновника, он действительно встал на его сторону, и Вэнь Жунь не мог не выразить благодарность.

Для него он выбрал лучший экземпляр, особенно старательно выжёт рисунок и добавил надпись: «Подставка Четырёх Благородных».

А ещё вывел короткое стихотворение:

Слива — чиста и горда,

Орхидея — тонка и воздушна,

Бамбук — скромн, но стоек,

Хризантема — холодна, но верна.

Разве не идеально?!

Он даже немного возгордился: подарок и изящный, и уместный. Если бы он послал золото или

серебро, Чжан Сянь, скорее всего, отказался бы. Да и у самого Вэнь Жуна таких денег нет. А вот такой подарок — в самый раз.

Он как раз наслаждался своим творением, как вдруг в комнату ворвалась тётушка Цуйхуа, едва держась на ногах:

— Господин! На улице похитили госпожу!

— Что?! — Вэнь Жунь взорвался от ярости. — Опять семья Ван Лаоэр?!

«Ван Лаоэр» — так он прозвал второго дядю Ван Да Чжи. Теперь в доме его так и называли — никто больше не смел звать его «вторым дядей».

Если бы не родственные узы, Вэнь Жунь давно звал бы его по имени.

Такому человеку он не собирался оказывать уважение.

— Не знаю! — запыхалась тётушка Цуйхуа. Она лишь мельком услышала крики и сразу побежала за Вэнь Жунем. К тому же она не знала Ван Цзюня в лицо.

— Пойдём посмотрим! — Вэнь Жунь схватил с вешалки тёплую шубу, накинул её на плечи и бросился на улицу.

Он уже решил: если семья Ван Лаоэр снова затеяла что-то нехорошее — он их уничтожит. Он же цзюйжэнь! Разве не сможет одолеть в суде обычных купцов?

Неужели думают, что семья Ван — беззащитна?!

Если ещё раз посмеют тронуть его братьев и сестёр — пусть готовятся к беде!

<http://bllate.org/book/15642/1398071>